

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

РАСПИСНОЙ

ТАТУИРОВАННАЯ
КОЖА-2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Половцевой Яны

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Расписной. Татуированная кожа-2 :
[роман] /Данил Корецкий. — Москва: Из-
дательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Шпионы
и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-096283-9

Герой романа «Татуированная кожа» Волков-Вольф-Расписной снова в бою. Бывший боец разведки специального назначения, участник боевых операций, выполняет особо важное задание, имеющее политическое значение. Для внедрения в исправительную колонию его тело покрывают татуировками, он изучает язык, обычаи и законы преступного мира. Ему приходится пройти сквозь все круги тюремного ада, вынести испытания, которые не каждому по плечу, и выйти из них победителем. Физическая сила, опыт боксера, ледяное самообладание, смекалка помогают ему выдерживать чудовищные испытания. А еще... татуированные картинки на коже, которые вопреки законам природы ведут себя как живые существа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096283-9 © Корецкий Д.А., 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
В ТЮРЕМНОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Глава 1

Побег из-под стражи

Колесо у автозака отвалилось в самый неподходящий момент — при повороте на крутом обрыве к глубокому синему озеру, дающему название небольшому городку, раскинувшемуся на противоположном берегу. Шестидесят тысяч жителей, механический завод и макаронная фабрика, густые леса вокруг, чистый воздух, живописные озера... На крупномасштабных картах общего назначения он не значился, но в специфических сферах был хорошо известен.

Известность захолустному городишке придавала си-неозерская транзитно-пересыльная тюрьма, построенная еще в прошлом веке: через нее шли все этапы на уральский куст исправительно-трудовых колоний строгого и особого режима.

Потерпевший аварию спецавтомобиль вез от железнодорожной станции очередную партию особо опасных осужденных, и, когда он круто повернул по неровной грунтовой дороге, раздался противный хруст лопнувшего железа, удар, машину резко занесло, вынося прямо на обрыв... Медленно, как при замедленной съемке, она накренилась на правый борт, миновала критическую точку и перевернулась, после чего уже быстро покатила под откос, вздымая облако пыли и противоестественно мелкая тремя колесами и ржавым облупившимся днищем с прогорелой в нескольких местах выхлопной трубой.

Внизу холодно блестела ровная синяя гладь, под которой ждала добычу семиметровая водная толща. Болтавшийся в кабине рядом с водителем начкар сквозь мелькание серого неба и поросшей сочной зеленой травой земли разобрался в ситуации, умудрился открыть дверь и выпрыгнул, но тут же был раздавлен грубо склепанным стальным кузовом. Автозак врезался в тоненькую березку, с треском сломал ее, наткнулся на несколько деревьев потолще, которые, спружинив, погасили инерцию, и, лежа на боку, остановился у самой кромки каменистого берега. В наступившей тишине слышался шорох сползающих камешков, бульканье выливающейся жидкости да чьи-то стоны. Остро запахло бензином.

— Открывай, слышь, открывай, щас рванет! — приглушенно прорвался сквозь стальной борт истошный крик.

— В натуре, вы чего, оборзели? Выпускайте, а то сгорим на х...!

— Менты поганые, рожи мусорские!

Контуженый сержант-водитель с трудом выбрался из кабины и, держась за голову, закружился на одном месте.

— Товарищ лейтенант! — хрипло выкрикнул он. — Где вы?

— Открывай! Открывай! — Мосластые кулаки замолотили изнутри по глухо загудевшей железной обшивке.

— Товарищ лейтенант! — Водитель остановился и осмотрелся. Взгляд его постепенно обретал осмысленность, он увидел беспомощно перевернутую форменную фуражку, а потом и самого начальника конвоя.

— Товарищ лейтенант!! Я сейчас!

Хромая и морщась, сержант подковылял к командиру и беспомощно уронил руки: сквозь черный от крови мундир торчали белые обломки ребер.

Автозак издал скребущий звук и съехал на двадцать сантиметров ближе к воде.

— Сидеть тихо там, потопнете, как щенки! — Сержанту показалось, что он, как обычно, рыкнул на бунтующих эков, но на самом деле получился не рык, а тихий сип.

— Открывай быстрее, Федун,— вдруг подал голос внутренний конвоир, и сержант запоздало вспомнил о товарищах, запертых в вонючем чреве арестантского фургона.

— Ща, ребятки, ща,— он суетливо зазвенел ключами.— Вы как там, целы?

— Володька сильно зашибся,— ответил тот же голос.— Его в больницу надо. Чего ты там возишься?

— Да вот тут одна штука не выходит...

Водитель пытался застопорить застывший в неустойчивом равновесии автозак стволом сломанного дерева, но сил не хватало, и он, махнув рукой, вскарабкался на исцарапанный борт, отпер замок и с трудом поднял дверь, как когда-то в родной деревне поднимал люк, ведущий в прохладный подпол. Только сейчас из черного прямоугольника пахнуло не приятной сыроватой прохладой и запахами заготовленной на зиму снеди, а вонюю немых человеческих тел, блевотиной и кровью.

— Дай руку!

Лицо ефрейтора Щеглова было бледным, из рассеченного лба текла кровь. Он с трудом выбрался наружу, осмотрелся и выругался.

— Вот влипли! Сейчас эта колымага утопнет! Надо Володьку вытаскивать!

— А с этими что делать?

— А чего с ними делать... Пусть сидят. Наше дело — их охранять. Отпирать камеры на маршруте запрещено...

— Так нельзя, товарищ ефрейтор,— послышался из темноты рассудительный голос.— Мы же люди, а не звери. И вы люди. А люди в беде должны помогать друг другу. Раз такое дело, надо нас спасать. А мы вам поможем.

— И правда, сами мы Володьку не вытащим,— громко зашептал водитель.— Я совсем квелый, голова кругом идет, все нутро болит. Открой этого, пусть пособит...

— Шпиона?! Ты что, совсем?.. Лучше Каталу.. Давай ключи...

Тяжело вздохнув, Щеглов нехотя сунулся обратно в смрадную темноту. Стараясь держать тяжелые сапоги по-

дальше от мертво белеющего лица распростертого внизу Володьки Стрепетова, он кулем свалился на ставшую полом левую стенку фургона и, с трудом распрямившись, полез в опрокинутый, низкий, как звериный лаз, коридор между блоками камер. В восьми крохотных стальных отсеках притаились горячие тела арестантов, сквозь просверленные кругами мелкие дырочки доносились тяжелое дыхание, биоволны страха и животной жажды свободы.

— Ты, это, осторожней,— спохватившись, прохрипел водитель. Голова стала болеть меньше, и он осознал, что они допустили две очень серьезные ошибки.

Во-первых, открывать камеру можно лишь при явном физическом и численном превосходстве конвоя: для особо опасного контингента это соотношение равно трем к одному. Во-вторых, конвоиры никогда не заходят к зэкам с оружием, да и тот, кто принимает их при высадке, обязательно отдает свой пистолет товарищам. Но сейчас все правила и инструкции летели к черту.

— Слышь, осторожней...

Автозак опасно заскрипел и вновь сдвинулся с места, мысли сержанта мгновенно переключились. Очень осторожно он сполз на землю и двумя руками уперся в стальной борт, как будто мог удержать трехтонную машину.

— Давай быстрее, Сашок... Быстрее...

Ефрейтор Щеглов отпер вторую камеру. Катала был щуплым малым, на станции он щедро угостил конвой сигаретами и рассказал пару смешных анекдотов. Казалось, неприятностей от него ожидать не приходится.

— Вылазь, помоги...

Щеглов не успел окончить фразу. Костлявые пальцы с нечеловеческой силой вцепились ему в горло, вминая кадык в гортань и перекрывая доступ воздуха в легкие. Рывок — и затылок ефрейтора глухо ударился о железо. Жадные руки быстро обшарили обмякшее тело, завладели пистолетом и ключами.

Лихорадочно защелкали замки, потные тела в серых пропотевших робах, как очнувшиеся от спячки змеи, рвались из тесных железных ящиков, сталкивались, сплетаясь в неловкий клубок, зло отталкивали друг друга, отчаянно стремясь к брезжущему впереди призрачному свету неожиданной свободы.

— Ну, все? — не поднимая глаз, спросил сержант, когда кто-то вылез на борт фургона.

— Все! — со зловещими интонациями отозвался незнакомый голос.

— Кто это?! — Сержант вскинул голову и замер: сутулый широкоплечий ээк наводил на него пистолет.

Их взгляды встретились. Левый глаз стриженного рецидивиста был полузакрыт, вместо правого чернел девятимиллиметровый зрачок ствола. В следующую секунду он блеснул испепеляющей вспышкой, и острый удар грома разнес лобовую кость сержанта вдребезги.

— Все нормально, Зубач?

Из люка упруго выпрыгнул Утконос, потом показалась напряженная физиономия Груши, следом вылез весело скалящийся Катала.

— Это все я, я! Без меня вы бы хер выбрались!

Нервно пританцовывая, так что руки болтались, как на шарнирах, он осмотрелся.

— Менты готовы? Давай, Груша, заberi у них пушки!

— А с теми что? — Зубач кивнул на темный проем, откуда доносились вязкие удары, как будто рифленным молотком отбивали кусок сырой говядины.

— Ими Хорек занимается...

— Дорвался, мудила! Теперь его до вечера не оторвешь!

На свет божий показалась треугольная голова Скелета.

Запавшие глаза, выступающие скулы, скошенный подбородок. Обычно он был бесцветный, как бельевая вошь. Редкая щетина светлых волос, невидимые брови, водянистые глаза, пористая серая кожа. Но сейчас красные брызги расцветивали лоб, щеки, шею...

— Гля, что делает.— Скелет ужом выскользнул на борт фургона и стал тереть рукавом лицо.— Сука буду, полный псих! Они давно кончились, а он мочит и мочит...

— Пух! Пух! — Груша надел фуражку лейтенанта и целился в дружков сразу из двух пистолетов.— Конвой стреляет без предупреждения!

— Правильно, надо форму надеть! — Зубач сплюнул.— И дергаем по-быстрому, не хер здесь высидывать...

— Эй, а мы?! Вы чего, в натуре?! — Две пары кулаков застучали по кузову.— Отоприте!

Автозак дернулся в очередной раз. Утконос и Скелет поспешно прыгнули вниз и отбежали в сторону. Зубач презрительно плюнул им вслед.

— Давай, Катала, выпусти Челюстя и Расписного. И Хорька заberi. А не пойдет — хер с ним!

Через несколько минут из люка вылезли еще трое. Остролицый, весь в кровавых потеках Хорек лихорадочно сжимал красную, словно лакированную, монтировку и безумно озирался по сторонам. Высокий, атлетически сложенный Расписной поддерживал похожего на питекантропа сорокалетнего цыгана с выступающей вперед массивной челюстью. Тот осторожно баюкал неестественно искривленную правую руку.

— Зараза, наверно, кость сломал! — Губы цыгана болезненно кривились.

— Нам еще повезло, что камеры маленькие,— ошупывая плечи, сказал Катала.— Менты до полусмерти побились!

— А Хорек их до самой смерти задолбил,— оскалился Скелет.

— Хватит болтать! — мрачно сказал Зубач, переводя взгляд со сломанной руки Челюсти на зажатый в ладони пистолет.— Как ты пойдешь-то с такой клешней?

Цыган перестал кривиться, глянул недобро, провел здоровой рукой по щеке, густо заросшей черной щетиной.

— Очень просто. Я ж не на руках хожу!

— Ну ладно, поглядим...

Зубач сунул оружие за пояс.

— Тогда концы в воду и рвем когти! Груша, отдай одну пушку Катале!

Тюремный фургон, подняв фонтаны брызг, тяжело плюхнулся в озеро и мгновенно скрылся в глубине. На поверхность вырвался огромный воздушный пузырь, прозрачная вода замутилась...

Когда через полчаса на место происшествия прибыла поисковая группа, она обнаружила только сломанные деревья да следы крови на зеленой траве.

* * *

Побег, особенно с нападением на конвой,— это всегда ЧП. Мигают лампочки на пультах дежурных частей, нервно звонят телефоны, трещат телетайпы, рассылая во все города и веси ориентировки с приметами беглецов. Громко лязгают дверцы раздолбанных милицейских «уазиков», матерятся поднятые по тревоге участковые, оперативники и розыскники конвойных подразделений, угрожающе рычат серьезные, натасканные на людей псы. Донесения с мест стекаются в областное УВД, оттуда уходит зашифрованное спецсообщение в Москву, и высокопоставленные чиновники МВД, кляня периферийных долбаков, подшивают его в папку особого контроля.

Информация о синеозерском побеге шла в Центр обычным путем, но на каком-то этапе она раздвоилась, и копия совершенно неожиданно поступила в КГБ СССР, который никогда не интересовался обычной уголовщиной. На этот раз к милицейской информации был проявлен самый живой интерес, она легла на стол самого председателя, а потом с резолюцией «Принять срочные и эффективные меры для доведения операции „Старый друг“ до конца» спустилась к начальнику Главного управления контрразведки.

Генерал-майор Вострецов тут же вызвал непосредственно руководившего «Старым другом» подполковника Петрунова и недовольно сунул ему перечеркнутый красной полосой бланк шифротелеграммы.

— Вот вести о вашем кадре! Полюбуйтесь!

Несколько раз пробежав глазами казенный текст, подполковник осторожно положил документ на стол.

— А что он мог сделать... Расшифроваться и провалить операцию? К тому же его сразу бы и убили!

Перечить начальству — все равно что мочиться против ветра.

— Да к черту такую операцию! — Генерал грохнул кулаком по злополучной шифровке.— Затеяли какие-то игры с раскрашиванием, переодеванием, а теперь еще и побегам! Послать оперработника в Потьму на неделю и получить результат! К чему усложнять?! У нас немало сотрудников, которые справились бы с этим делом — быстро, без цирковых эффектов и головной боли для руководства! А насколько теперь все это затянется?

— Разрешите мне выехать в Синеозерск? — привычно сдерживая кипящее в груди раздражение, спросил Петрунов.

— Именно это я вам и приказываю! Примите все меры, чтобы его, по крайней мере, не застрелили при захвате!

— Есть! — сказал Петрунов, совершенно не представляя, какие меры тут можно принять. Ситуация вышла из-под контроля, и жизнь Волка находилась в его собственных руках.

* * *

Вечерний лес зловеще шелестел вокруг, прихватывал зелеными лапами за одежду, норовил подставить под ногу корягу или ткнуть острой веткой в лицо. Будто глумливый леший играл с заблукавшими в его владениях путни-

ками, но делал это нерешительно, исподтишка, опасаясь подходить вплотную.

И действительно, продиравшаяся сквозь кустарник компания могла распугать всю лесную нечисть. Впереди, то и дело оглядываясь, как вышедший на маршрут карманник, ломился Скелет в порванной на груди лейтенантской форме — мокрой и покрытой бурыми пятнами. За ним с решительностью танка пер Груша, по его следам осторожно ступал Утконос в плохо застиранном мундире с сержантскими погонами, за ним Хорек зло рубил цепкие ветки отмытой монтировкой, Зубач выдерживал двухметровую дистанцию, за ним держался Катала в истрепанной форме ефрейтора, Челюсть и Расписной замыкали процессию. Цыган придерживал сломанную руку и время от времени сдавленно стонал, а Расписной двигался молча, контролируя походку, чтобы не перейти по привычке на лесной шаг разведчика. В голове лихорадочно роились тревожные мысли.

«Ломятся, как слоны, за километр слышно... Не понимают, что живыми, скорей всего, нас брать не будут? Зубач-то понимает, недаром прячется в середине... Еще не хватало получить пулю вместе с этими скотами! Да и сколько мне с ними бегать? Может, перемочить гадов по одному? Так слишком много трупов выйдет... Или отстать и затеряться в лесу? Но хабар по всем зонам и пересылкам пойдет, там каждую деталь обмусолят. Куда я пропал, как опять объявился... Нет, тут не дернешься... Ладно, посмотрим. Скоро они остановятся — дышалка-то в тюрьме пропадает и мускулы в вату превращаются...»

— Слышь, Зубач, у меня уже копыта отваливаются! — отдуваясь, сказал Утконос.

— Точняк! Покемарить надо! — поддержал его Катала.

Груша с готовностью остановился, Утконос ткнулся ему в спину. Размахивающий монтировкой Хорек чуть не размозжил Утконосу голову, механически шагнул в сторону и пошел дальше.

— Доходяги, я могу два дня гнать без остановки! — похвастался главарь и тут же опустился на корточки.— Давайте, раз сдохли, ложитесь на спину!

Все повалились на землю, только Хорек продолжил прорубаться сквозь кустарник.

— Гля! Куда он? — Груша полез за пазуху.— Может, шмальнуть?

Он растерянно шарил за пазухой, выворачивал карманы.

— Пусть идет...

Зубач зевнул и огляделся по сторонам.

— Давай, Груша, наломай веток вместо шконки. А Челюсть со Скелетом костер запалят. Чего ты себя шмонаешь?

— Да... Это... Пушку потерял... Вот сука! Только что на месте была...

— А яйца не потерял? Мудак ты! Быстро шконку ложки, совсем темно будет!

Расписной потер небритую щеку и отвернулся, чтобы скрыть произвольную ухмылку. Место совершенно не подходило для ночевки. Кругом впритык густой кустарник, высокая трава — к утру одежда будет насквозь мокрой от росы. Вдобавок к спящим легко подобраться вплотную. К тому же нет воды. Слева деревья редели, там наверняка можно найти удобную сухую поляну, возможно, ручей или озерко. Одно слово — дебилы... Ничего не умеют! Как они делают свои воровские делишки? Один теряет оружие, другой не может выбрать стоянку, а вот Скелет зажигает костер — спички тухнут одна за другой, ломаются, полкоробка извел! Да любой командир специальной разведки — от сержанта Шмелева до майора Шарова или полковника Чучканова — затоптал бы таких разгильдяев коваными каблуками тяжелых десантных сапог!

— Слышь, брателла, перевяжи, сил нет терпеть, аж голова кружится,— тихо попросил Челюсть, когда по хвосту заплясало набирающее силу пламя.— Он нарочно, сука, меня ветки таскать заставил! Знаешь зачем?

— Ну?

— Чтобы я отказался. Или выступил на него. Пришить меня хочет, не понял еще?

— Чего там не понял. Сам слышал, как он Скелету шептал...

Расписной обернул распухшую руку цыгана листьями и травой, сверху обмотал лоскутом арестантской робы, рывком совместил обломки костей и зафиксировал шиной из прочных веток.

— Что... шептал?..— Челюсть стойко перенес болезненную процедуру, только на лице выступили крупные капли пота.

— Что надо тебя завалить. На хер нам обуза с одной клешней... Только тихо, чтоб никто не видел. Так что держись ближе ко мне... Готово. Теперь вставляй в перевязь, пусть висит на шее — быстрее заживет.

Все это Расписной придумал. Но в жестоком уголовном мире любое семя подозрения находит благоприятную почву.

— Ну паскуда... Я его первый сделаю!

Цыган недобро ощерился, обнажив большие неровные зубы.

Темнота стусилась окончательно, и красноватые блики разгоревшегося костра придавали зловещий вид лицам окружающих его людей. Осматривающий растертые ноги Груша наклонил голову, пухлые щеки лоснились, как у насосавшегося упыря. Привалившийся к дереву Скелет напоминал истлевшего мертвеца. Изломанные тенями Зубач, Утконос и Катала казались вынырнувшими из преисподней чертями с тлеющими угольками в черных глазницах.

— Надо бы порыскать вокруг, жратву поискать,— сказал Груша.

— Тут вокруг волки рыщут, как бы ты сам жратвой не оказался,— реготнул Утконос.

— Так часто бывает — пошел за харевом, а самого отхарили,— Зубач длинно плюнул в костер.